

Труд и власть в российской модели платформенного капитализма

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-128-155

Резюме:

По мере диджитализации экономики и общества в мире появляются различные вариации «платформенного капитализма». В статье представлена первая попытка критического осмысления модели «гиг-экономики», которая складывается в современной России. Проблематизируя нарративы, доминирующие в зарубежных исследованиях платформенной занятости, автор демонстрирует укорененность процессов платформизации в сложившейся хозяйственной системе. В отличие от стран с развитой рыночной экономикой, «трудовые платформы» в России являются частью гигантских платформенных экосистем, контролируемых олигархическим бизнесом и государством, которое в ходе «ползучей национализации» усиливает свое влияние через структуры собственности и управления. В ключевых секторах платформенной занятости формируются квазимонополии с доминированием одной компании. В условиях геополитической напряженности завершается процесс «суверенизации» и замыкания платформенной экономики. Осуществив успешную платформизацию неформальных рынков труда в некоторых секторах, платформы становятся инструментом легализации занятости в руках государства, движимого преимущественно фискальными интересами. В России формируется либеральная модель регулирования гиг-экономики на основе правового закрепления категории самозанятых при отсутствии должного внимания к трудовым правам и социальной защите работников. В условиях укрепления авторитарного характера госу-

128

1 Шевчук Андрей Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ). Научные интересы: экономическая социология, социология труда и занятости, социология хозяйственного развития, сравнительный анализ хозяйственных систем. E-mail: shevchuk@hse.ru

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

дарственной власти возможности самоорганизации и коллективного отстаивания интересов платформенных работников блокируются. Автор делает вывод, что в российской модели «платформенного капитализма» государство вступает в альянс с крупным капиталом и потребителями против труда: государство усиливает контроль за экономикой и налоговыми поступлениями, крупные платформенные компании с меньшими издержками используют рабочую силу, а потребители получают дешевые услуги посредством удобных цифровых сервисов. Автор призывает интегрировать проблематику платформенного капитализма в более широкие дискуссии о российской модели социально-экономического развития.

Ключевые слова: социология труда, цифровые платформы, гиг-экономика, неформальная занятость, самозанятость, профсоюзы, модели капитализма, российская экономика

Andrey V. Shevchuk¹

HSE, Moscow, Russia

Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism

Abstract:

With the digitalization of the economy and society, varieties of “platform capitalism” appeared in the world. The article presents the first attempt at a critical understanding of the “gig economy” model that is taking shape in contemporary Russia. By problematizing the narratives that dominate foreign studies of platform employment, the author shows the embeddedness of platformization in the current economic system. Unlike countries with a developed market economy, labor platforms in Russia are part of giant platform ecosystems controlled by oligarchic businesses and the state, which, in the course of “creeping nationalization”, increases its influence through ownership and management structures. In key sectors of platform employment, quasi-monopolies are formed with the dominance of one company. In the context of geopolitical tensions, the process of “sovereignization” and the closure of the platform economy is being completed. Having successfully platformized informal labor markets in some sectors, platforms are becoming a tool for the legalization of employment in the hands of the state, driven primarily by fiscal interests. In Russia, a neoliberal model of regulation of the gig economy is being formed based on the legal introduction of the category of ‘self-employed’ in the absence of due attention to labor rights and the social protection of workers. With the strengthening of the authoritarian nature of the state, the possibilities of self-organiza-

129

1 Andrey V. Shevchuk — Associate Professor, Department of Economic Sociology, Higher School of Economics; Senior Researcher, Laboratory of Economic and Sociological Research (LESI). Research interests: economic sociology, sociology of work and employment, sociology of economic development, comparative political economy. E-mail: shevchuk@hse.ru

tion and collective defense of the interests of platform workers are blocked. The author concludes that in the Russian model of “platform capitalism”, the state enters an alliance with big capital and consumers against labor: the state strengthens control over the economy and tax revenues, large platform companies use labor at lower costs, and consumers receive cheap services through convenient digital services. The author calls for an integration of the issues of platform capitalism into broader discussions about the Russian model of socio-economic development.

Keywords: sociology of work, digital platforms, gig economy, informal employment, self-employment, trade unions, models of capitalism, Russian economy

Введение

«Платформенная экономика» [Kenney, Zysman 2016] или «платформенный капитализм» [Срничек 2019; Boyer 2022] все чаще обсуждаются как качественно новый этап социально-экономического развития, в том числе в связи с трансформацией занятости и трудовых отношений [Rani et al. 2021]. Цифровые платформы, способные координировать труд множества отдельных работников, рассредоточенных в пространстве и времени, представляют собой новый способ хозяйственной организации [Vallas, Schor 2020; Старк, Паис 2021]. Расширяющиеся масштабы и формы платформенной занятости формируют так называемую гиг-экономику (gig economy) — экономику разовой работы по требованию (on-demand) и по вызову (on-call) посредством веб-сайтов и мобильных приложений [Woodcock, Graham 2020]. Эта работа может осуществляться как удаленно в онлайн-среде (информационные и творческие услуги), так и в привычных физических пространствах (такси, курьерская доставка, личные услуги), а модели платформ варьируются от «трудовых маркетплейсов» до «теневых корпораций» [Шевчук 2020].

Дефицит базовой информации породил спрос на описательные исследования, отвечающие на вопросы о масштабах платформенной занятости, социально-демографических и профессиональных характеристиках работников, а также основных параметрах их занятости [Pesole et al. 2018; Hall, Krueger 2018; Piasna, Zwysen, Drahokoupi 2022; Rani et al. 2021]. Социологи сконцентрировались на трудовом опыте платформенных работников, особенно в связи с вопросами алгоритмического управления [Wood et al. 2019; Шевчук и др. 2021; Rosenblat, Stark 2016]. Специалисты в области права обсуждают проблемный юридический статус платформенных работников, а также способы их интеграции в систему трудовых и социальных гарантий [Prassl, Risak 2017; De Stefano 2015; Лютов, Войтковская 2020; Чесалина 2022]. Повышается внимание к вопро-

сам коллективного представительства интересов платформенных работников, формам коллективного действия и роли профсоюзов [Johnston, Land-Kazlauskas 2019; Bessa, Joyce 2022; Lei 2021]. Проводятся исследования отдельных секторов гиг-экономики: таксомоторных перевозок [Rosenblat 2018], курьерской доставки [Cant 2019], удаленной работы фрилансеров [Стребков, Шевчук 2022], микро-работы [Irani 2015], личных и бытовых услуг [McDonald, Williams, Mayes 2021].

Следующим логичным шагом является осмысление платформенной занятости на макроуровне в связи с ее укорененностью в различных социально-экономических системах. Развивая широкий пласт литературы о «многообразии моделей капитализма» (*varieties of capitalism*) [Шевчук 2008], можно говорить о формировании различных моделей «платформенного капитализма». Этот подход уже намечен в ряде работ, выполненных в духе сравнительной политической экономии и институционализма, выполненных на материале стран с развитой рыночной экономикой [Boyer 2022; Thelen 2018; Uzunca, Rigtering, Ozcan 2018]. В данной статье мы попытаемся наметить контуры подобного анализа применительно к России.

131

По данным Центра стратегических разработок (ЦСР), общее число платформенных работников в России составляет от 2 до 5 млн человек, или 2,6–6,6% экономически активного населения¹. Согласно оценкам Института социальной политики НИУ ВШЭ, в 2022 году в России начитывается порядка 1,7 млн работников, указавших платформы в качестве своей основной занятости, и до 15,5 млн человек, задействованных в формате эпизодических или регулярных подработок на платформах [Синявская и др. 2022]. По подсчетам Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИ-ЭЗ) НИУ ВШЭ на основе выборочного обследования рабочей силы Росстата, к практикам платформенной занятости прибегает хотя бы раз в неделю около 5% всех занятых (3,7 млн человек)². В целом это укладывается в общемировые тенденции: в большинстве стран платформенная занятость, несмотря на поступательный рост, все еще имеет относительно скромные масштабы [Piasna, Zwysen, Draghocoșil 2022]. Тем не менее платформенная экономика находится в центре общественных и научных дискуссий, так как представляет собой новую модель, бросающую вызов сложившимся механизмам организации и регулирования рынков и несущую риски нормализации неустойчивой прекарной занятости [Woodcock, Graham 2020].

1 <https://www.kommersant.ru/doc/5009303>

2 <https://issek.hse.ru/news/797813349.html>

В статье представлена первая попытка критического осмысления модели платформенной занятости, формирующейся в современной России. Речь идет о концептуализации и теоретическом осмыслении происходящих процессов, когда мы в первом приближении, крупными мазками стараемся обрисовать общие контуры и структурные условия, уловить качества и характерные черты, определить тренды и возможные траектории развития. Это полемика, текст, призванный инициировать дискуссию не только о частных проблемах платформенной занятости, но об общей модели платформенного капитализма в России. В этом отношении наши рассуждения вписываются в более широкие дебаты о российской хозяйственной модели вообще [Кордонский 2007; Бессонова 2006; Глинкина 2017; Кирдина 2014; Косалс 2006; Яковлев 2021; Szelényi, Mihályi 2019]¹. При этом статья не замыкается исключительно на российской действительности, но и ставит общетеоретические вопросы, проблематизирует нарративы, которые доминируют в зарубежных исследованиях платформенной занятости, подвергает сомнению универсализм многих процессов. Работа выполнена в духе политэкономического подхода, для которого ключевой является категория власти, охватывающая способности реализовывать свои интересы, навязывать свою волю другим акторам, утверждать правила игры и воспроизводить свои преимущества [Флигстин, Фогел 2021]. Работа основана на анализе открытых источников и научной литературы, многолетнем наблюдении за рынком и собственных эмпирических исследованиях различных сегментов платформенной занятости в России.

132

Государственный капитализм платформ

В странах с развитой рыночной экономикой растет озабоченность расширяющейся властью платформенных компаний. Указывается на то, что платформы представляют собой монополии нового типа [Rahman, Thelen 2019], которые контролируют социально значимую инфраструктуру [Plantin et al. 2018], «приватизируют» целые рынки и выступают как «частный регулятор» [Boudreau, Nagiu 2009], подменяя собой государство [Lehdonvirta 2022]². Зачастую платформенные компании выступают в качестве «институциональных», или «регуляторных предпринимателей» (*regulatory entrepreneurs*), не просто

1 Непосредственное обсуждение этих концепций не входит в наши задачи.

2 По оценкам, в США около 70% всей сферы услуг (более 5,2 млн предприятий) находится в зоне влияния одной или нескольких платформ [Kenney, Bearson, Zysman 2021].

эксплуатируя существующие пробелы в регулировании, а делая правовые и институциональные изменения важной частью своего бизнес-плана [Pollman, Baggy 2017]. В развернувшихся дискуссиях о том, как вернуть платформы под публичный контроль, главная надежда возлагается на государство. Можно сказать, что во многих странах с развитой рыночной экономикой государство как субъект власти противостоит платформам, усиливая свое регулирующее воздействие. В России платформенные компании сами тесно связаны с государством через капитал, корпоративное управление и неформальный политический контроль, и эта тенденция только нарастает.

Этот (неравный) союз государства и капитала в России строится на нескольких основаниях. Во-первых, в рамках олигархического (кланового) капитализма наиболее прибыльные виды деятельности находятся под контролем лиц, имеющих тесные связи с властью [Глинкина 2017; Косалс 2006; Яковлев 2021; Szelényi, Mihályi 2019]. Если исходить из того, что «данные — новая нефть» [Срничек 2019], а значит, потенциальный источник ренты, в экономической системе, построенной на ее извлечении, крупные игроки рано или поздно должны были заинтересоваться платформенным бизнесом. Если в странах с развитой рыночной экономикой цифровые предприниматели (включая основателей платформ) стремительно ворвались в бизнес-элиту и составили серьезную конкуренцию капиталу из традиционных отраслей¹, пионеры отечественной цифровой экономики не задерживаются у руля своих компаний, которые в итоге попадают под контроль олигархического бизнеса или государства. Российские платформенные компании (например, VK, Mail.ru, Яндекс) проделали путь от частных стартапов до компаний, интегрированных в олигархические бизнес-структуры. Примечательно также, что в США и Европе крупнейшие трудовые платформы (например, Uber, Deliveroo, Upwork, Fiverr) — независимые публичные компании с обращением акций на фондовом рынке², тогда как в России трудовые платформы, как правило, являются частью гигантских платформенных экосистем («цифровых империй»), принадлежащих олигархическому бизнесу и государству³. В определенном смысле можно говорить о своего рода «ползучей национализации» платформенных компаний в России.

1 Достаточно взглянуть на список богатейших людей планеты: <https://www.forbes.com/billionaires/>

2 <https://finance.yahoo.com/news/10-best-gig-economy-stocks-133209416.html>

3 Среди крупных глобальных игроков заметным исключением является платформа для микроработы Amazon Mechanical Turk, принадлежащая техногиганту Amazon.

Во-вторых, так как за счет контроля над данными своих пользователей платформы формируют структуры «надзорного капитализма» [Зубофф 2022], у государства возникает искушение использовать эти данные в неэкономических целях (например, в целях национальной безопасности и борьбы с терроризмом¹). Авторитарные режимы заинтересованы в более тесном контроле над потоками информации и большими данными о своих гражданах, чтобы гарантировать сложившийся политический порядок. Этого можно достичь как за счет законодательного расширения доступа государства к данным платформенных компаний (вплоть до полной «национализации данных»), так и посредством структур собственности и управления компаниями («национализация платформ»).

Платформенные рынки изначально тяготеют к олигополистической структуре, позволяющей в полной мере реализовать сетевые эффекты [Срничек 2019]. Три крупнейших отечественных компании, проявляющих наибольшую активность в платформенном бизнесе, — Яндекс, VK и Сбербанк: им принадлежит основная часть популярных онлайн-сервисов и торговых маркетплейсов, а также службы такси, доставки еды и продуктов. Если прежде эти крупные игроки конкурировали друг с другом на различных рынках, то в последнее время они предпринимают скоординированные действия по разделению сфер влияния, что ведет к образованию квазимонополий². На российских платформенных рынках просматриваются отчетливые перспективы формирования монополий с отсутствием конкуренции среди работодателей в рамках одной категории услуг. Это означает, что только одна платформенная компания будет выступать в роли «частного регулятора», фактически определяя условия и уровень оплаты труда на всем рынке. В России в двух ключевых секторах платформенной занятости (такси и доставка еды из ресторанов) такой компанией становится Яндекс³.

1 В 2022 году в Государственная дума приняла в первом чтении законопроект, предусматривающий автоматизированный удаленный доступ Федеральной службы безопасности к информационным системам и базам данных агрегаторов такси. См.: <http://duma.gov.ru/news/54842/>

2 В августе 2022 года Яндекс, VK и Сбербанк объявили о цепочке сделок, которые приведут к перераспределению активов между технологическими гигантами. В частности, к Яндексу отойдет его прямой конкурент в сфере доставки еды — Delivery Club. См.: <https://www.forbes.ru/investicii/475109-sber-vk-i-andeks-delat-aktivy-cto-eto-znachit-dla-akcij-kompanij>

3 На рынке такси доля Яндекса выросла с 27% в 2019 году до 66% в 2021-м, а с 2022 года (после ухода нескольких конкурентов) окажется еще больше. После присоединения Delivery Club в 2022 году доля Яндекса на рынке доставки готовой еды может достигнуть 77%. Яндекс также владеет краудсорсинговой платформой для микроработы «Толока», занимающей

Почему обсуждение тесной связи крупного капитала и государства в России является важным для анализа сферы труда и занятости? Исследователи отмечают, что в разных национальных и исторических контекстах формируются различные конфигурации социально-политических сил. Расцвет индустриального общества после Второй мировой войны обеспечивался институциональным компромиссом между трудом и капиталом, который гарантировало государство. Суть компромисса заключалась в том, что работники приняли «фордистские» методы организации труда в обмен на более высокий уровень жизни, а работодатели поделились с рабочими частью прибыли от возросшей производительности [Харви 2021]. Платформенный капитализм строится на союзе капитала и потребителей против труда. Капитал получает дополнительную прибыль от снижения затрат на рабочую силу и частично делится ей с потребителями, предлагая более низкие цены в рамках удобных сервисов [Rahman, Thelen 2019]. При этом во многих странах (например, в Европе) государство пытается сбалансировать этот конфликт, учитывая интересы труда. В России государство может вступить в (или даже возглавить) коалицию капитала и потребителей, играющих на одной стороне против труда. Признаки подобного сценария видны, в частности, из дальнейших сюжетов, которые мы обсудим.

135

Суверенизация и деглобализация

Во все более взаимозависимом «геотехническом мире» (geotech world) быстро обнаружилось, что цифровые технологии могут быть мобилизованы не только в целях международной экономической конкуренции, но и в геополитической борьбе. Цифровая инфраструктура (включая платформы) может использоваться государствами в качестве оружия (weaponized), причем такие возможности есть не у всех, а прежде всего у технологических лидеров — США, Европы и Китая [Farrell, Newman 2019]. Во многих странах мира актуализируется повестка «цифрового суверенитета» (digital sovereignty), способная объединить интересы национального капитала и власти [Schmitz, Seidl 2022]. Национальный капитал заинтересован в «цифровом протекционизме» — ограничении конкуренции с крупными глобальными игроками, а государство — в независимой национальной инфраструктуре, обеспечивающей экономическую и технологическую автономию.

монопольное положение в своем секторе, сервисами доставки продуктов и курьерских услуг. См.: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/dostavka-edy-ot-yandeksa-delivery-club-i-yandeks-eda-v-odnih-rukah>

Нарастающая изоляция России в ходе реализации Западом масштабных экономических санкций, достигшая кульминации в 2022 году, внесла определяющий вклад в становление «суверенной платформенной экономики» в России и обусловила ее развитие на годы вперед. При этом, в отличие от, например, глобальных медиаплатформ («социальных сетей»), иностранные трудовые платформы никогда не были ключевыми игроками на российском рынке. Главный претендент — американская компания Uber — потерпела неудачу, не сумев встроиться в олигархическую структуру российского бизнеса¹. Компания вошла на российский рынок в 2013 году (на два года позже Яндексa), в 2017-м осуществила слияние с Яндексом (с первоначальной долей в общем бизнесе в 37%, которая постепенно сокращалась)². Отдельное приложение Uber для такси после слияния сохранялось, а вот сервис Uber Eats был закрыт. Доля израильской компании Gett в России составляла около 5% легального рынка такси, а китайская компания DiDi и эстонская компания Bolt работали только в нескольких регионах в течение короткого времени. В начале 2010-х гг. глобальная биржа удаленной работы Freelancer.com, делающая ставку на захват рынка путем слияний и поглощений по всему миру, интересовалась покупкой отечественных игроков, но в итоге сделка не состоялась. На сегодняшний день практически все иностранные трудовые платформы уже покинули или собираются покинуть российский рынок³.

Российские платформенные компании также осуществляли международную экспансию, пытаясь конкурировать на внешних рынках. Например, на начало 2022 года сервис Яндекс.Такси работал в 19 странах мира (в некоторых под брендом Yango), на которые приходилась примерно четверть всех поездок компании (также в нескольких странах функционировал сервис доставки еды)⁴. В настоящее время перспективы международного направления туманны, некоторые европейские страны уже заблокировали сервис. Отечественным платформам для фрилансеров удалось создать уникальный русскоязычный рынок удаленной работы, функционирующий поверх государственных границ и являющийся примером низовой

1 См.: <https://inosmi.ru/20220712/biznes-254983286.html>

2 Интересно, что подобная судьба постигла компанию Uber в Китае в 2016 году, когда она слилась с «национальным чемпионом» Didi.

3 Сообщается, что Минтруд обсуждает вопрос о законодательном закреплении допустимой доли иностранного участия (или даже его полном запрете) в платформах, которые нанимают самозанятых. См.: <https://www.rbc.ru/economics/17/02/2022/620cf7099a79470d8f0aeec>

4 См.: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/02/15/909391-yandeks-vpervie-raskril-dolyu-zarubezhnih-poezdok-v-servise-taksi>

(движимой участниками рынка, а не государствами) экономической интеграции на постсоветском пространстве [Стребков, Шевчук 2022]. Доля фрилансеров, проживающих за пределами России (главным образом в странах ближнего зарубежья), постоянно возрастала, достигнув к 2014 году 38%. Последующий конфликт между Россией и Украиной нарушил растущий тренд, резко сократив вовлеченность украинских фрилансеров (с 26% в 2014 г. до 17% в 2019 г.), а его новое обострение в 2022 году грозит не только еще сильнее подорвать транснациональный характер русскоязычного рынка, но и нарушить сложившиеся в мире потоки «виртуальной миграции» [Стребков 2022]. Крупные глобальные платформы удаленной работы (например, Upwork и Fiverr) присоединились к санкциям и заблокировали аккаунты россиян, продемонстрировав власть платформ как собственников инфраструктуры и «частных регуляторов» рынков труда. Ранее Россия стабильно была заметным поставщиком рабочей силы на глобальных рынках удаленной работы (особенно в IT-сфере)¹.

Цифровые платформы часто представляют как агентов экономической глобализации [Graham, Anwar 2019], однако в современных условиях при активном участии государств они превращаются в действенный инструмент суверенизации и замыкания национальных экономик. В России платформы могут стать элементом «экономики сопротивления» [Яковлев 2021], в очередной раз мобилизуя ресурсы в ответ на внешние угрозы [Кордонский 2013]².

137

Платформизация неформальности

В рамках индустриального капитализма фабричная система стала инструментом стандартизации и формализации хозяйственной жизни. В последнее десятилетие платформы обеспечили реорганизацию целых отраслей и сложившихся там трудовых отношений. Например, Uber коренным образом перестроил рынок таксомоторных перевозок, Airbnb существенно повлиял на отельный бизнес, а биржи удаленной работы стали неотъемлемой частью IT-сектора и креативных индустрий.

В странах с развитой рыночной экономикой в нарастающей платформизации рынков труда видят не только флексибилизацию или

1 См.: <https://spendmatters.com/2017/07/13/online-workers-located-oxford-internet-institute-tool-breaks>; <https://freelancernews.co.uk/the-digital-freelance-hub-of-the-world-serbia/>

2 В частности, уже разрабатываются концептуальные обоснования платформенной экономики «как инструмента снижения санкционных рисков». См.: [РГСУ 2022]

дестандартизацию занятости, но и ее общую дезорганизацию, деформализацию и последующую прекаризацию [Rani, Gobel 2022]. Труд выносится за пределы формальных корпоративных структур, жестких бюрократических правил, сложившихся механизмов регулирования на отраслевом, региональном и общенациональном уровне, зачастую попадая в серые (внеправовые) зоны¹. Расцветают гибкие формы занятости с растущим многообразием режимов и условий труда [Schor et al. 2020]. Одновременно сужается зона действия социальных и трудовых гарантий, присущих стандартной занятости [De Stefano 2015].

Однако цифровые платформы могут оказывать разное влияние на рынки труда в зависимости от их изначальных характеристик, в частности, от степени распространения неформальной занятости. Если с точки зрения подвергающейся эрозии модели стандартной занятости платформы несут с собой потенциал дезорганизации (точнее, неолиберальной реорганизации), то применительно к неформальной экономике они скорее выполняют организующую (формализующую) роль с помощью внедрения процедур, стандартов и правил, усиленных технологиями алгоритмического контроля и управления.

138

Формальные требования начинаются с необходимости регистрации на платформе с предоставлением определенного перечня документов и данных. Стандартизация проявляется, в частности, в категоризации услуг, унификации трудовых процедур и требований к качеству. Персонализированное доверие, доступное только посредством неформальных сетей, сменяется открытыми для всех участников рынка формализованными репутационными системами, включая рейтинги, оценки и отзывы. На место гибких личных договоренностей приходят строгие контрактные механизмы, в том числе основанные на алгоритмическом мэтчинге контрагентов. Институционализируются процедуры разрешения споров, а роль арбитра переходит к платформам. Оплата все чаще проходит через электронные системы, а не в наличной форме. Платформы накапливают большие данные о пользователях и транзакциях, открывая возможности отслеживания (traceability), учета и анализа. Интересно также, что сам факт появления платформы как общего «псевдоработодателя», которому можно адресовать свои требования, способен запустить процесс коллективной организации работников по отстаиванию своих интересов [Ford, Nonan 2019]. Разнообразные формализующие эффекты цифровых платформ задокументиро-

1 Так, компания Uber печально известна спланированной стратегией внеправового захвата рынков, с надеждой на последующую легализацию [Pollman, Bagby 2017; Thelen 2018].

ваны в исследованиях стран с большой долей неформального сектора [Frey 2020; Randolph, Galperin, Khan 2019; Weber et al. 2021]. Подобные эффекты мы наблюдаем и в современной России.

Если в США и Европе компания Uber прежде всего разрушала сильно зарегулированную отрасль таксомоторных перевозок, то в России «цифровые агрегаторы» (типа Яндекс) нанесли сокрушительный удар по теневому рынку частного извоза¹. В результате с улиц крупных городов практически исчезли так называемые «бомбилы»². Примечательна траектория развития отечественного рынка курьерских услуг, которая демонстрирует, что архитектура платформ несет в себе разный потенциал формализации [Шевчук 2020]. Первоначально этот рынок в более свободной манере пытались организовать «трудовые маркетплейсы» (например, YouDo), функционирующие на основе прямых (peer-to-peer) договоренностей между заказчиками и исполнителями услуг. Однако вскоре крупные «теневые корпорации» (службы доставки еды и такси) развернули, по сути, индустрию массового производства на основе стандартизации и алгоритмического управления. Готовую еду, продукты, мелкие посылки и документы в крупных городах теперь доставляют брендовые автомобили и курьеры в униформе.

139

Осуществляемая платформами формализация трудовых практик автоматически не ведет к выводу их из тени с точки зрения правового регулирования, налогообложения и статистического учета. Хотя в России всегда существовали определенные возможности правового оформления индивидуальной трудовой деятельности, большинство платформенных работников не имели официального правового статуса, не подписывали договоры и не платили налоги. Так, например, на протяжении целого десятилетия (2008–2019 гг.) среди фрилансеров, совершающих сделки на биржах удаленной работы, официальные договоры регулярно использовали не более 12–15% [Стребков, Шевчук 2022]. Согласно опросу Института социальной политики ВШЭ 2022 года, среди всех респондентов, имеющих опыт платформенной занятости, только 32,7% указали, что оформляют выполненные работы официально; 18,7% отметили, что оформляют официально только часть работ; 36,2% никак не оформляют заказы или работу через платформы, а еще 12,4% затруднились с ответом [Синявская и др. 2022]. Агрегаторы такси и службы доставки использовали модель опосредованного найма через «прокладки»,

1 См.: <https://ac.gov.ru/news/page/rynku-taksi-nuzna-cifrovizacia-15801>

2 По оценкам экспертов, водители-нелегалы составляют 13% от общего количества таксистов, в выручке на их долю приходится 16%. См.: <https://transportrussia.ru/razdely/itogi-i-perspektivy/9448-pravovoe-pole-dlya-taksomotora.html>

или «подключашки»: фирмы или ИП заключают партнерский договор с платформами, а затем нанимают работников на условиях подряда или вовсе неформально¹. Подобным образом платформы избегали как значительной налоговой нагрузки, так и возможных претензий со стороны регулирующих органов. Биржи удаленной работы и другие трудовые маркетплейсы вовсе не интересовались формальным юридическим статусом работников.

Формализация (и, как мы увидим далее, легализация) не всегда ведет к улучшению положения работников. Трудовая деятельность в формальном секторе тоже может быть связана с низкой оплатой, плохими условиями труда, реальным отсутствием социальных гарантий и низкой удовлетворенностью работой, что хорошо известно из российской действительности [Гимпельсон, Капельюшников 2013]. При этом платформенная занятость в России не обязательно усиливает прекаризацию и ухудшает качество рабочих мест; напротив, платформенная занятость может быть вполне привлекательной в глазах работников в сравнении с аналогичными позициями на рынке труда [Шевчук и др. 2021; Witte 2018]². Так, например, работа курьером в доставке еды вряд ли уступает труду в ресторанах быстрого питания или на стройке с точки зрения общего качества занятости, а фрилансеры зачастую не проигрывают своим офисным коллегам в уровне материального и субъективного благополучия [Стребков, Шевчук 2022]. В целом вопрос о взаимосвязи гиг-экономики с процессами прекаризации требует более глубокого осмысления. Доминирующий нарратив связан с тем, что платформенная занятость порождает прекаризацию, однако изначальная прекаризация является питательной средой для процветания гиг-экономики.

Можно заключить, что в России цифровые платформы успешно встроились в неформальные рынки труда, лишь частично способствовали легализации и, по-видимому, не сильно изменили положение работников, осуществив своеобразную «платформизацию неформальности».

Неолиберальная легализация

Платформенная бизнес-модель изначально предполагает использование труда самозанятых работников или, в категориях американ-

1 При этом вопрос о возможной тесной аффилиации самих «подключашек» с платформами (особенно в секторе доставки еды) остается открытым. См.: <https://vc.ru/food/78214-na-kogo-na-samom-dele-rabotayut-kurery-yandeks-edu-i-delivery-club>

2 Аналогичные эффекты платформенной занятости зафиксированы в менее развитых странах мира [Freu 2020].

ского права, «независимых подрядчиков» (independent contractors). Платформы публично позиционируют своих работников как своего рода индивидуальных предпринимателей, обладающих широкой автономией, самостоятельно решающих, где, когда и сколько работать. В этой логике работники должны нести полную ответственность за свое благополучие, принимая разнообразные финансовые и производственные риски. Это ведет к более уязвимому положению платформенных работников по сравнению со штатными сотрудниками организаций. Во-первых, на платформенных работников не распространяются нормы трудового права, обеспечивающие определенные условия труда, включая продолжительность рабочего времени, безопасность на рабочем месте и др. Во-вторых, платформенные работники во многом исключены из национальных систем социальной защиты, включая пособия по безработице, медицинское страхование и пенсионное обеспечение. В-третьих, их права на объединение в профсоюзы и проведение забастовок сильно ограничены.

В Европе и США положение платформенных работников практически сразу же стало предметом острых научных и общественно-политических дискуссий. Обсуждаются предложения о признании платформенных работников сотрудниками организаций (employees) или разработке особого статуса «платформенного работника», а в судах рассматриваются многочисленные иски против платформенных компаний (в частности, против Uber и Deliveroo) [De Stefano 2015; Prassl, Risak 2017; Синявская и др. 2021; Чесалина 2022]. Движимое преимущественно фискальными интересами, российское государство, напротив, самостоятельно утверждает либеральный режим регулирования платформенной занятости в ходе легализации неформального сектора и пока мало интересуется трудовыми правами и социальным положением работников.

141

С начала 2000-х годов российское государство планомерно прилагало усилия по сокращению теневой экономики: сначала основным объектом внимания стали крупные корпорации, затем средний и малый бизнес, а в последние годы фокус сместился на неформально занятых индивидов. С 2019 года работникам предложена упрощенная система регистрации деятельности в качестве самозанятых через цифровое приложение при чрезвычайно низких налоговых ставках (4–6%)¹. В отличие от ряда предыдущих попыток эта государственная инициатива имеет определенный успех: на сегодняшний момент в качестве самозанятых зарегистрировалось более 5,5 млн человек².

1 См.: <https://npd.nalog.ru/>

2 <https://www.interfax.ru/russia/855499>

Российское государство активно продвигает статус самозанятого для легализации платформенной занятости. Симптоматично, что до сих пор это лишь особый налоговый режим, а не полноценная категория российского трудового права¹. Представляется также неслучайным, что всплеск интереса к платформенной занятости в российских СМИ, а также в академической литературе совпадает по времени с имплементацией нового налогового режима для самозанятых². Тем не менее публичные и научные дискуссии по данной проблеме находятся в зачаточном состоянии. В отсутствие государственного и общественного внимания к особенностям социального положения платформенных работников нетрудно предвидеть один из негативных сценариев. На первом этапе государство стремится наладить учет и налогообложение самозанятых. Затем государство может вменить платформам функцию налогового агента, самостоятельно рассчитывающего и взимающего налоги с работника³. Наконец, вслед за «обелением» сектора может проявить себя «грабьящая рука» государства в виде увеличения налоговой нагрузки на работников⁴.

142

Стратегия легализации платформенной занятости в существующем виде может успешно сработать в секторах таксомоторных перевозок и курьерской доставки, где действуют крупные платформы, организованные по принципу «теневых корпораций» [Шевчук 2020]. Эти платформы в одностороннем порядке могут навязывать свои условия работникам, так как у последних мало альтернативных возможностей заниматься подобной работой за пределами со-

1 Новый вариант закона «О занятости населения», в котором планируется закрепить правовой статус самозанятого, находится в разработке и вступит в силу не ранее 2024 года. В частности, он предусматривает добровольные отчисления работников на пенсионное и медицинское обслуживание. См.: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2022/63626c709a7947cc0a9cce1d>

2 Первые доклады ведущих (окологосударственных) научно-исследовательских и аналитических центров по данной проблеме начинают массово публиковаться с 2021 года, т. е. десять лет спустя после появления агрегаторов такси и служб доставки еды и более пятнадцати лет с момента начала функционирования бирж удаленной работы [Синявская и др. 2022; РГСУ 2022; Синявская и др. 2021; ЦСП 2021].

3 Об этом говорил М. Мишустин, еще будучи главой Федеральной налоговой службы (ФНС) России. См.: <https://tass.ru/interviews/5561204>. Это положение также содержится в готовящемся новом варианте закона «О занятости населения». См.: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2022/63626c709a7947cc0a9cce1d>

4 Подобные опасения традиционно сильны в среде самих неформально занятых работников, например, фрилансеров [Стребков, Шевчук 2022]. На сегодняшний момент установлено, что специальный налоговый режим будет действовать до 31 декабря 2028 года.

зданной платформами инфраструктуры¹. С учетом растущей монополизации этих секторов вполне вероятно, что крупные платформы в итоге успешно переоформируют всех своих работников как самозанятых и потенциально смогут успешно контролировать финансовые потоки работников в интересах государства².

Иная ситуация на рынках удаленной работы, а также в сфере личных услуг (ремонт, уход, красота и др.), где помимо специализированных платформ у работников существует множество других (в том числе цифровых) каналов поиска работы: постоянная клиентура, социальные связи и рекомендации, персональные сайты, социальные медиа, интернет-форумы, группы в мессенджерах и др. [Стребков, Шевчук 2022]. В этих секторах платформы в основном выступают в роли «трудовых маркетплейсов», не обладая монопольной властью и соответствующими возможностями контроля. Напротив, платформы сами сильно зависят от количества пользователей и сделок. Поэтому давление на работников может обернуться их исходом с платформ³. Здесь перспективы легализации более туманны и вероятно сохранение значительных масштабов неформальной занятости⁴.

Основной вывод заключается в том, что институционализация платформенной занятости в России происходит посредством правового закрепления категории самозанятых, а задачи легализации неформального сектора решаются за счет либерализации системы занятости. Это еще одно свидетельство альянса государства, капитала и потребителей против труда: государство усиливает контроль экономики и собирает налоги, крупные платформенные компании с меньшими издержками используют рабочую силу, а потребители получают дешевые услуги надлежащего качества⁵.

- 1 Агрегаторы такси активно рекламируют водителям преимущества работы в статусе самозанятых, предлагают дополнительные льготы, используют стратегии «наджинга» (подталкивания). Например, Яндекс поместил в свое приложение для водителей специальную кнопку «стать самозанятым».
- 2 Находящийся на рассмотрении в Госдуме новый законопроект о работе такси, призванный разрешить имеющиеся правовые коллизии, предусматривает возможность для водителей работать с агрегаторами напрямую в статусе самозанятых. См.: <https://rg.ru/2022/11/23/samozaniatyie-taksisty-zhdut-novyyj-zakon-o-taksi.html>
- 3 Подобный отток пользователей фиксируется на трудовых маркетплейсах каждый раз, когда они осуществляют невыгодные работникам нововведения (например, повышают комиссии).
- 4 Следует также отметить, что многие работники хотя и получают статус самозанятого, но реально декларируют лишь малую долю своих заработков.
- 5 В готовящемся к принятию новом законе о такси заметно скорее повышенное внимание к качеству предоставляемых агрегаторами услуг и защите

Может показаться, что тезис о «государственном капитализме платформ» противоречит тезису о «неолиберальной легализации». Однако ряд работ показывает, как в России, несмотря на гипертрофированную роль государства (точнее, именно благодаря ей), реализуется неолиберальная логика радикального экономизма, позволяющая говорить об «авторитарном либерализме» [Moggis 2021]. Другой «неономенклатурный» сценарий, шансы которого возрастают одновременно с мобилизационным характером экономики, связан с прямым государственным регулированием трудовых отношений. Доминирование государства будет проявляться «в определении границ и размеров заботы о работниках и населении», подкрепленном риторикой «все для блага человека» [Бизюков 2022: 28]. В этом отношении для государства цифровые платформы являются чрезвычайно привлекательным инструментом управления и контроля¹.

Труд в сужающемся коридоре возможностей

144

Организованное представительство интересов работников посредством профсоюзов и коллективных переговоров стало ключевым элементом институционализации классового конфликта в индустриальном обществе и способствовало становлению «государства всеобщего благосостояния». В отличие от типичных отраслей массового производства, потенциал юнионизации в гиг-экономике изначально ограничен мощными структурными факторами. Организационная децентрализация и индивидуализация труда, дефицит соприсутствия, социальная неоднородность работников и их интересов, правовая уязвимость неформально занятых и мигрантов препятствуют широкомасштабным коллективным действиям, а законодательство многих стран напрямую запрещает коллективные объединения самозанятых или существенно урезает их права. Пока профсоюзы адаптируются к новой реальности и ищут решения, платформенные работники пытаются самостоятельно отстаивать свои права.

Согласно данным проекта Leeds Index of Platform Labour Protest, анализирующим данные онлайн-медиа по всему миру, за период с января 2017 года по июль 2020-го только в четырех секторах (таксомоторные перевозки, доставка еды, курьерские услуги и доставка

прав потребителей, но не к условиям труда водителей. См.: <http://duma.gov.ru/news/54842/>

1 Уже несколько лет циркулируют слухи о создании некой государственной цифровой платформы для самозанятых.

продуктов) зафиксирован как минимум 1271 случай протеста платформенных работников в 57 странах [Bessa, Joyce 2022]¹. Помимо забастовок и демонстраций другими формами борьбы являются скоординированные онлайн-акции и разного рода манипуляции с приложениями (например, массовый логат работников такси в пиковые часы с целью затруднить работу платформенных сервисов). Если в Европе и США коллективные действия платформенных работников более организованные, массовые и заметные, поддерживаются профсоюзами, а в судах рассматриваются индивидуальные и коллективные иски работников к платформам, то в России ситуация иная.

По-видимому, Россия не относится к странам с высоким уровнем трудовых протестов платформенных работников. Проект Leeds Index of Platform Labour Protest за период с января 2017 года по июль 2020-го зафиксировал только 11 случаев². Для сравнения, за этот же период наибольшее число протестов было в США (189). Значительно большая, чем в России, протестная активность наблюдалась в ряде европейских стран (Великобритания — 117, Испания — 86, Франция — 68, Австралия — 32, Германия — 29) и других государствах мира (Китай — 160, Индия — 118, Аргентина — 114, Мексика — 62) [Bessa, Joyce 2022]³. При этом российский проект «Мониторинг трудовых протестов», основанный на ежедневном анализе сообщений в интернете, дает другие оценки: за период с 2017-го по 2022 год только в сфере платформенных таксомоторных перевозок было организовано 126 акций, что составляет 43% от всех зафиксированных в сегменте городского пассажирского транспорта, или 7% от общего числа трудовых протестов [Бизюков 2022]. Напрямую сравнивать эти исследования некорректно из-за разницы в методологии; оче-

- 1 Коллективным действиям в данных секторах гиг-экономики способствуют стандартизация труда и относительные возможности физического присутствия в формальных и стихийных точках сбора работников. Среди занятых удаленной работой коллективные действия более редкие и происходят в онлайн-среде.
- 2 Хотя, как обсуждается в дальнейшем, отслеживание протестов по сообщениям СМИ в странах с авторитарной властью и низким уровнем независимости прессы может занижать их количество.
- 3 В контексте сравнительного анализа положения трудящихся в различных моделях капитализма Китай представляет собой интересный случай. Несмотря на авторитарный характер государственной власти, запрет независимых профсоюзов, гонения на неправительственные организации, коллективные выступления работников (в том числе платформенных) широко распространены [Lei 2021].

видно, что в плане сравнительных межстрановых сопоставлений еще предстоит большая работа¹.

Можно сказать, что протесты платформенных работников в России менее массовые и менее длительные. Хотя с точки зрения количества участников большинство протестных акций во всем мире являются небольшими, в азиатских странах, Европе и США проходили крупные забастовки и демонстрации платформенных работников с количеством участников более тысячи человек². Также, несмотря на краткосрочный характер большинства акций, обычно укладывающихся в один день, в мире зафиксированы продолжительные многодневные и даже многонедельные протесты³. Ничего подобного в России не случилось.

В России традиционные профсоюзы не вовлечены в протестные акции платформенных работников, а их зарождающиеся организации пока единичны и малочисленны. Хотя большинство протестов в гиг-экономике возникает спонтанно и иницируется самоорганизующимися группами работников, профсоюзы в той или иной степени участвуют в каждой третьей протестной акции платформенных работников, а в США и Европе еще чаще [Bessa, Joyce 2022: 17]⁴. В некоторых европейских странах платформенные работники являются членами крупных традиционных профсоюзов (3F в Дании, GMB в Великобритании, IG Metall в Германии) [Joyce, Stuart 2021]. В России сформировалось всего несколько организаций, называющих себя «профсоюзами» (Курьер, Таксист, Платформа солидарности и др.), призванными защищать интересы платформенных работников, эффективность деятельности которых оценить пока трудно. В целом противоречивая траектория развития профсоюзного движения в постсоветской России привела к тому, что профсоюзы не обрели подлинную субъектность, не став силой, способной влиять на принятие важных решений и формировать актуальную повестку, а трудовые протесты постепенно деинституционализируются и вырождаются в жалобы властям [Бизюков 2021].

В России зафиксировано единичное число судебных исков работников к цифровым платформам, при этом суды вставали на сто-

1 Также есть данные, что в целом доля трудовых протестов в общем количестве протестных акций в России неуклонно снижается, отодвигая трудовую повестку на второй план [Давыдов 2022].

2 См., например: <https://labourreview.org/strikes-of-platform-workers/>

3 Так, в Шеффилде курьеры компании JustEat бастовали более ста дней. См.: <https://www.huckmag.com/perspectives/the-uks-longest-gig-economy-strike-isnt-letting-up>

4 Интересно, что традиционные профсоюзы вовлекаются даже чаще, чем независимые (18,3% против 13,1%) [Bessa, Joyce 2022: 17].

рону последних, проявляя правовой формализм и не пытаясь разобраться в непростой проблеме по существу [Коршунова 2020; Чесалина 2022]. При этом российские суды склонны удовлетворять иски пассажиров к агрегаторам такси, рассматривая их в данном случае не как информационный сервис, а как транспортные компании. Это демонстрирует относительную слабость труда не только по сравнению с капиталом и государством, но по сравнению с потребителями. Обращение в судебные инстанции можно считать самостоятельным способом отстаивания своих прав, к которому чаще других прибегают платформенные работники в США [Bessa, Joуse 2022]. Несмотря на противоречивость зарубежной судебной практики, в последние годы суды создали ряд прецедентов по признанию отношений работников с платформами в качестве трудовых, внося важный вклад в формирование моделей регулирования платформенной занятости [Синявская и др. 2021; Чесалина 2022].

Тактика протеста платформенных работников в России была направлена прежде всего на привлечение внимания СМИ и последующее публичное освещение проблем с требованием уступок со стороны платформенных компаний. Как правило, действия координировались и осуществлялись узким неформальным кругом активистов, а на многих акциях количество журналистов превышало число протестующих. Но и эта тактика поступательно наталкивалась на политические ограничения, которые окончательно оформились после обострения конфликта между Россией и Украиной в 2022 году. Во-первых, в течение последнего десятилетия постепенно усиливался государственный контроль над деятельностью СМИ, который в итоге привел к исчезновению независимых изданий и жесткой цензуре, в том числе касающейся нежелательности освещения низовых протестов. Во-вторых, нарастают риски государственной политизации трудовых протестов с их последующей криминализацией. Хотя сами работники, как правило, не выдвигают политических требований, силовые ведомства все больше склонны квалифицировать низовые коллективные действия как политические¹. Вышесказанное не является уникальным для сферы трудовых отношений, но скорее характеризует общий авторитарный характер государственной власти.

1 Дело Кирилла Украинцева, руководителя профсоюза «Курьер», является важным прецедентом, фактически криминализирующим организованные трудовые протесты. В апреле 2022 года он был арестован по обвинению в рамках уголовного дела о неоднократном нарушении порядка проведения митингов (ст. 212.1 УК РФ) и на момент написания текста все еще находится в тюрьме. См.: <https://www.kommersant.ru/doc/5328587>

Основной вывод заключается в том, что в современной России «коридор возможностей» для коллективного отстаивания своих интересов у платформенных работников сужается. Помимо структурных преград (обусловленных особенностями платформенной организации труда), формирования либеральной модели регулирования на основе самозанятости (с ограничением возможных функций профсоюзов)¹, общей слабости российских профсоюзов, авторитарное государство задействует репрессивный аппарат для контроля над зачатками самоорганизации граждан. Это еще раз подчеркивает, что в формирующейся российской модели платформенного капитализма труд исключается из числа субъектов, оказывающих влияние на принятие решений, что актуализирует изучение положения трудящихся в рамках авторитарных политических режимов (например, в Китае и Турции).

Заключение

148 Есть веские основания полагать, что мир входит в новую историческую фазу «организованного капитализма» [Nölke, May 2019], в рамках которой и будут разворачиваться в дальнейшем процессы платформизации экономики и общества, формироваться национальные модели «платформенного капитализма» [Boyer 2022]. Развитие платформенной экономики в России совпадает по времени с изменением политического курса в стране, а также в системе международных отношений [Яковлев 2021]. Этот факт еще предстоит осмыслить, но уже сейчас можно сделать несколько предварительных наблюдений.

Усиление роли государства проявляется в нескольких важных моментах. Во-первых, происходит «ползучая национализация» платформенной экономики через прямое и опосредованное участие государства в собственности и управлении крупными платформенными компаниями. В результате формируются подконтрольные государству технологические гиганты, монополизирующие ключевые платформенные рынки. Во-вторых, в русле разворачивающейся в мире волны деглобализации реализуется курс на «суверенизацию» платформенной экономики, исключение иностранного капитала и усиление самодостаточности. В-третьих, государство присоединяется к своеобразному союзу капитала и потребителей против труда, знаковому для платформенного капитализма [Rahman, Thelen 2019]. Движимое преимущественно фискальными интересами, государ-

1 Хотя российское законодательство и не запрещает объединения самозанятых, эти объединения не могут представлять интересы работников в отношениях с «работодателем». См.: [Макаров 2022].

ство пошло по пути институционализации либерального режима регулирования платформенной занятости, в котором интересы труда в должной мере не учитываются, а возможности самоорганизации и коллективного представительства блокируются. Иными словами, российское государство скорее склонно защищать права человека как потребителя, но не как работника, и тем более не как гражданина. В-четвертых, в будущем государство может использовать цифровые платформы как инструмент «паноптического контроля» над экономикой и гражданами, как это делается в Китае [Boyer 2022].

Во многом описанные процессы характеризуют не только сферу платформенной занятости, но и общую траекторию развития авторитарного капитализма в современной России. С одной стороны, процессы платформизации укоренены в существующей социально-экономической системе, являясь ее отражением, с другой стороны — они позволяют этой системе открывать новые возможности, эволюционировать и трансформироваться, обретая иные качества. Поэтому по мере нарастающей диджитализации экономики и общества актуализируется задача интеграции проблематики платформенного капитализма в более широкие дискуссии о путях развития России. Как цифровые платформы встраиваются в существующую социально-экономическую систему и преобразуют ее? Какая модель платформенного капитализма формируется в России? Каково положение работников в этой модели? Каковы ее экономические, социальные и политические последствия? Опыт каких стран поможет нам лучше понять российские реалии? Эти и другие вопросы потребуют более глубокого анализа в ближайшие годы.

149

Библиография / References

Бессонова О. Э. (2006) *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*, М.: РОССПЭН.

— Bessonova O. E. (2006) *Distribution economy of Russia: Evolution through transformations*, M.: ROSSPEN. — in Russ.

Бизюков П. В. (2021) Траектория развития постсоветских профсоюзов: От традиции к альтернативе и обратно. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 132 (1-2): 29–61.

— Bizyukov P. V. (2021) Trajectory of development of post-Soviet trade unions: From tradition to alternative and back. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*, 132 (1-2): 29–61. — in Russ.

Бизюков П. В. (2022) Нужен ли новый трудовой контракт? *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 14 (3): 10–30.

— Bizyukov P. V. (2022) Do you need a new employment contract? *Interaction. Interview. Interpretation*, 14 (3): 10–30. — in Russ.

Глинкина С. П. (2017) Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма. *Общественные науки и современность*, (2), 5–22.

— Glinkina S. P. (2017) Post-socialist transformations in the light of discussions about the diversity of models of capitalism. *Social Sciences and Contemporary World*, (2), 5–22. — in Russ.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (2013) Жить «в тени» или умереть «на свету»: Неформальность на российском рынке труда. *Вопросы экономики*, (11), 65–88.

— Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2013) Live “in the shadows” or die “in the light”: Informality in the Russian labor market. *Voprosy ekonomiki*, (11), 65–88. — in Russ.

Давыдов Д. А. (2022) Динамика массовых протестных акций в современной России: Событийный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5): 72–93.

— Davydov D. A. (2022) The Dynamics of Mass Protest Actions in Modern Russia: An Event Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (5): 72–93. — in Russ.

Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти, М.: Издательство Института Гайдара.

— Zuboff S. (2019) *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*, N. Y.: Public Affairs.

Кирдина С. Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию, СПб.: Нестор-История.

— Kirdina S. G. (2014) *Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory*, St. Petersburg: Nestor-History. — in Russ.

Кордонский С. Г. (2007) *Ресурсное государство*, М.: Regnum.

— Kordonsky S. G. (2007). *Resource State*, M.: Regnum. — in Russ.

Коршунова Т. Ю. (2020) Работа на основе интернет-платформ: Возможно ли признание отношений трудовыми? *Комментарий судебной практики*, (26): 40–55.

— Korshunova T.Yu. (2020) Work based on Internet platforms: Is it possible to recognize labor relations? *Jurisprudence Commentary*, (26): 40–55. — in Russ.

Косалс Л. (2006) Клановый капитализм в России. *Неприкосновенный запас*, 6 (50). (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=288>)

— Kosals L. (2006) Clan capitalism in Russia. *Emergency Reserve*, 6 (50). — in Russ.

Люттов Н. Л., Войтковская И. В. (2020) Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: Каковы правовые последствия «уберизации» труда? *Актуальные проблемы российского права*, 15 (6): 149–159.

— Lyutov N. L., Voitkovskaya I. V. (2020) Taxi drivers doing work through online platforms: What are the legal implications of the “uberization” of labor? *Actual Problems of Russian Law*, 15 (6): 149–159. — in Russ.

Макаров Е. И. (2022) Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах, СПб.: СПбГУП.

- Makarov E. I. (2022) *Self-employment in Russia. Advantages and disadvantages identified during the pilot to introduce a tax on professional income in 2018–2020*, SPb: SPb-GUP. — in Russ.
- РГСУ (2022) *Платформенная экономика как инструмент снижения санкционных рисков для российской экономики*, М.: РГСУ. (https://rgsu.net/netcat_files/1159/2560/Platformennaya_ekonomika_kak_instrument_snizheniya_sanktsionnyh_risikov_dlya_rossiyskoy_ekonomiki.pdf)
- RSSU (2022) *Platform economy as a tool to reduce sanctions risks for the Russian economy*, М.: RSSU. — in Russ.
- Синявская О. В., Бирюкова С. С., Аптекарь А. П., Горват Е. С., Грищенко Н. Б., Гудкова Т. Б., Карева Д. Е. (2021) *Платформенная занятость: Определение и регулирование*, М.: НИУ ВШЭ.
- Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Aptekar A. P., Gorvat E. S., Grishchenko N. B., Gudkova T. B., Kareva D. E. (2021) *Platform Employment: Definition and Regulation*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горват Е. С., Карева Д. Е., Стужук Д. А., Чертенков К. О. (2022) *Платформенная занятость в России: Масштабы, мотивы и барьеры участия*, М.: НИУ ВШЭ. (<https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7>)
- Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Gorvat E. S., Kareva D. E., Stuzhuk D. A., Chertenkov K. O. (2022) *Platform employment in Russia: Scale, motives and barriers to participation*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Срничек Н. (2019) *Капитализм платформ*, М.: НИУ ВШЭ.
- Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*, М.: HSE. — in Russ.
- Старк Д., Паис И. (2021) Алгоритмическое управление в экономике платформ. *Экономическая социология*, 22 (3): 71–103.
- Stark D., Pais I. (2020) Algorithmic Management in the Platform. *Economy Sociologica*, 14 (3): 47–72.
- Стребков Д. О. (2022) Платформенная занятость и фриланс в эпоху перемен. *Социодиггер*, 3 (10–11): 29–32.
- Strebkov D. O. (2022) Platform employment and freelancing in an era of change. *Sociodigger*, 3 (10–11): 29–32. — in Russ.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. (2022) Что мы знаем о фрилансерах? *Социология свободной занятости*, М.: НИУ ВШЭ.
- Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2022) What do we know about freelancers? *Sociology of free employment*, М.: NRU HSE. — in Russ.
- Флигстин Н., Фогел С. (2021) Политическая экономия после неолиберализма. *Экономическая социология*, 22(4): 35–48.
- Fligstein N., Vogel S. (2020) Political Economy After Neoliberalism. Boston Review. (<https://bostonreview.net/class-inequality/neilfligstein-steven-vogelpolitical-economy-afterneoliberalism>)
- Харви Д. (2021) *Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений*, М.: ВШЭ.

— Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry Into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Basil Blackwell.

ЦСР (2021) *Формы занятости на рынке курьерских услуг*, М.: ЦСР. (<https://www.csr.ru/publications/formy-zanyatosti-na-rynke-kurerskikh-uslug>)

— CSR (2021) *Forms of employment in the market of courier services*, М.: SCR. (<https://www.csr.ru/publications/formy-zanyatosti-na-rynke-kurerskikh-uslug>). — in Russ.

Чесалина О. В. (2022) Юридическая природа платформенной занятости. С. Ю. Головина, Н. Л. Лютов (ред.) *Трудовое право: Национальное и международное измерение*, Т. 2, М.: Норма.

— Chesalina O. V. (2022) The legal nature of platform employment. In S.Yu. Golovina, N. L. Lyutov (Eds.) *Labor Law: National and International Dimension*, Vol. 2, М.: Norma. — in Russ.

Шевчук А. В. (2008) Модели современного капитализма: Основы сравнительного институционального анализа. *Экономическая социология*, 9 (5): 17–29.

— Shevchuk A. V. (2008) Models of Modern Capitalism: Fundamentals of Comparative Institutional Analysis. *Journal of Economic Sociology*, 9 (5): 17–29. — in Russ.

Шевчук А. В. (2020) От фабрики к платформе: Автономия и контроль в цифровой экономике. *Социология власти*, 32 (1): 30–54.

152

— Shevchuk A. V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*, 32 (1): 30–54. — in Russ.

Шевчук А. В., Чижова Д. А., Демина Д. Е., Чугункова В. А. (2021) Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3): 356–381.

— Shevchuk A. V., Chizhova D. A., Demina D. E., Chugunkova V. A. (2021) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3): 356–381. — in Russ.

Яковлев А. А. (2021) Конкуренция моделей капитализма: Проекция на Россию. *Вопросы теоретической экономики*, (4): 41–49.

— Yakovlev A. A. (2021) Competition of models of capitalism: Projection on Russia. *Theoretical Economics*, (4): 41–49. — in Russ.

Bessa I., Joyce S. (2022) A global analysis of worker protest in digital labour platforms. *ILO Working Paper 70*, Geneva: ILO.

Boudreau K. J., Hagiu A. (2009) Platform rules: Multi-sided platforms as regulators. A. Gawer (Ed.) *Platforms, markets and innovation*, Cheltenham: Edward Elgar.

Boyer R. (2022) Platform capitalism: A socio-economic analysis. *Socio-Economic Review*, 20 (4): 1857–1879.

Cant C. (2019) *Riding for Deliveroo: Resistance in the New Economy*, Cambridge: Polity Press.

De Stefano V. (2015) The rise of the just-in-time workforce: On-demand work, crowd-work, and labor protection in the gig-economy. *Comparative Labor Law and Policy Journal*, 37 (3): 461–471.

Farrell H., Newman A. L. (2019) Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44 (1): 42–79.

- Ford M., Honan V. (2019) The limits of mutual aid: Emerging forms of collectivity among app-based transport workers in Indonesia. *Journal of Industrial Relations*, 61 (4): 528–548.
- Frey B. (2020) Platform labor and in/formality: Organization among motorcycle taxi drivers in Bandung, Indonesia. *Anthropology of Work Review*, 41(1): 36–49.
- Graham M., Anwar M. A. (2019) *The global gig economy: Towards a planetary labour market?* First Monday, 24(4).
- Hall J. V., Krueger A. B. (2018) An Analysis of the Labor Market for Uber's Driver-Partners in the United States. *ILR Review*, 71(3): 705–732.
- Irani L. (2015) The cultural work of microwork. *New Media & Society*, 17(5): 720–739.
- Johnston H., Land-Kazlauskas C. (2019) Organizing on-demand representation, voice, and collective bargaining in the gig economy. *ILO Working Papers, Conditions of Work and Employment Series No. 94*, Geneva: ILO.
- Joyce S., Stuart M. (2021) Trade union responses to platform work: An evolving tension between mainstream and grassroots approaches. J. Drahokoupil, K. Vandaele (Eds.) *A Modern Guide To Labour and the Platform Economy*, Cheltenham: Edward Elgar: 177–192.
- Kenney M., Bearson D., Zysman J. (2021) The platform economy matures: Measuring pervasiveness and exploring power. *Socio-Economic Review*, 19 (4): 1451–1483.
- Kenney M., Zysman J. (2016) The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, 32 (3): 61–69.
- Lehdonvirta V. (2022) *Cloud Empires: How Digital Platforms Are Overtaking the State and How We Can Regain Control*, MIT Press.
- Lei Y. W. (2021) Delivering Solidarity: Platform Architecture and Collective Contention in China's Platform Economy. *American Sociological Review*, 86 (2): 279–309.
- McDonald P., Williams P., Mayes R. (2021) Means of control in the organization of digitally intermediated care work. *Work, Employment and Society*, 35 (5): 872–890.
- Nölke A., May C. (2019) Liberal Versus Organised Capitalism: A Historical-Comparative Perspective. T. Geröcs, M. Szanyi (Eds.) *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*, Cham: Springer: 21–42.
- Pesole A., Brancati U., Fernández-Macías E., Biagi F., González Vázquez I. (2018) Platform Workers in Europe. *Evidence from the COLLEEM Survey*, EUR29275 EN, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. (2022) The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS), *Working paper 2022.05*, Brussels: ETUI.
- Plantin J. C., Lagoze C., Edwards P. N., Sandvig C. (2018) Infrastructure studies meet platform studies in the age of Google and Facebook. *New Media & Society*, 20 (1): 293–310.
- Pollman E., Barry J. M. (2017) Regulatory Entrepreneurship. *Southern California Law Review*, 90 (3): 383–448.
- Prassl J., Risak M. (2017) The Legal Protection of Crowdworkers: Four Avenues for Workers' Rights in the Virtual Realm. P. Meil, V. Kirov (Eds.) *Policy Implications of Virtual Work*, Cham: Springer: 273–295.

Rahman K. S., Thelen K. (2019) The Rise of the Platform Business Model and the Transformation of Twenty-First-Century Capitalism. *Politics & Society*, 47 (2): 177–204.

Randolph G., Galperin H., Khan L. (2019) New Opportunities in the Platform Economy: On-ramps to Formalization in the Global South. Just Job Network. (<https://www.justjobsnetwork.org/wp-content/uploads/2019/09/T-20-Report-v3.pdf>)

Rani U., Gobel N. (2022) Job instability, precarity, informality, and inequality: Labour in the gig economy. I. Ness (Ed.) *The Routledge Handbook of the Gig Economy*, NY: Routledge: 15–32.

Rani U., Kumar Dhir R., Furrer M., Göbel N., Moraiti A., Cooney S. (2021) *World employment and social outlook: The role of digital labour platforms in transforming the world of work*, Geneva: International Labour Organisation.

Rosenblat A. (2018) *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*, Oakland: University of California Press.

Rosenblat A., Stark L. (2016) Algorithmic Labor and Information Asymmetries: A Case Study of Uber's Drivers. *International Journal of Communication*, (10): 3758–3784.

Schmitz L., Seidl T. (2022) Protecting, Transforming, and Projecting the Single Market. Open Strategic Autonomy and Digital Sovereignty in the EU's Trade and Digital Policies. SocArXiv. (<https://osf.io/preprints/socarxiv/wjb64/>)

Schor J. B., Attwood-Charles W., Cansoy M., Ladegaard I., Wengronowitz R. (2020) Dependence and precarity in the platform economy. *Theory and Society*, 49 (5): 833–861.

Szelényi I., Mihályi P. (2019) *Varieties of post-communist capitalism: A comparative analysis of Russia, Eastern Europe and China*, Leiden: Brill.

Thelen K. (2018) Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States. *Perspectives on Politics*, 16 (4): 938–953.

Uzunca B., Rigtering J. C., Ozcan P. (2018) Sharing and shaping: A cross-country comparison of how sharing economy firms shape their institutional environment to gain legitimacy. *Academy of Management Discoveries*, 4 (3): 248–272.

Vallas S., Schor J. B. (2020) What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*, 46 (1): 273–294.

Weber C. E., Okraku M., Mair J., Maurer I. (2021) Steering the transition from informal to formal service provision: Labor platforms in emerging-market countries. *Socio-Economic Review*, 19 (4): 1315–1344.

Witte K. (2018) Self-exploitation or working time autonomy? Yandex Taxi drivers in Moscow. DOC Research Institute. (<https://doc-research.org/2018/10/self-exploitation-work-autonomy-yandex-taxi-drivers-moscow>)

Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. (2019) Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy. *Work, Employment and Society*, 33 (1): 56–75.

Woodcock J., Graham M. (2020) *The gig economy: A critical introduction*, Cambridge: Polity.

Рекомендация для цитирования:

Шевчук А. В. (2022) Труд и власть в российской модели платформенного капитализма. *Социология власти*, 34 (3-4): 128-155.

For citations:

Shevchuk A. V. (2022) Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 128-155.

Поступила в редакцию: 30.11.2022; принята в печать: 24.12.2022

Received: 30.11.2022; Accepted for publication: 24.12.2022